

- guage and the Law. – London and New York: Longman, 1994. – P. 100-135.
14. *Tiersma, P.M.* Legal Language [Text] / P.M. Tiersma. – Chicago: University of Chicago Press, 1999.
 15. *Whitelock, D.* Anglo-Saxon Wills [Text] / D. Whitelock. – Cambridge: University Press, 2002.
 4. Constitution of the USA [Electronic resource]. – <http://www.usconstitution.net/const.html>
 5. Judgement of ECHR, Case of Budayeva and others vs. Russia 2008. – <http://cmiskp.echr.coe.int>
 6. Tina B. Bennis, Petitioner, v. Michigan, United States Supreme Court, 1996 [Electronic resource]. – <http://www.law.cornell.edu/supct/html/94-8729.ZO.html>
 7. *Kramden R.A.* Last Will and Testament [Electronic resource] / Kramden R.A. Last Will and Testament. – 2004. – <http://www.madlawsplus.com/legalforms/instruct/sample-will.pdf>

Список источников примеров

1. Charter of Liberties [Electronic resource]. – <http://www.britannia.com/history/docs/charter.html>
2. Act against Revilers, and for Receiving in Both Kinds 1547 [Electronic resource]. – <http://www.statutelaw.gov.uk/leg>
3. The Virginia Statute for Religious Freedom 1786 [Electronic resource]. – <http://www.lva.virginia.gov/lib-edu/education/bor/vsrftext.htm>

УДК 811.531

ББК 81.2

Е.В. Ли

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ARGUMENTUM AD MISERICORDIAM В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Политики используют argumentum ad misericordiam (аргумент к жалости) как манипулятивный прием в ходе предвыборной борьбы. Политическая аргументация в условиях argumentum ad misericordiam приобретает выраженный этнокультурный характер. Для русского политического дискурса характерен аргумент к жалости к Другому, который содержит косвенную угрозу (argumentum ad baculum). Для корейской аргументативной модели более типична апелляция к эмпатии адресата.

Ключевые слова: политический дискурс; аргументация; манипуляция; Другой; эмпатия; этнокультурные ценности

E.V. Li

ETHNOCULTURAL VALUES UNDERPINNING ARGUMENTUM AD MISERICORDIAM IN POLITICAL DISCOURSE

Politicians use argumentum ad misericordiam as a manipulation move during election campaigns. In political contexts argumentum ad misericordiam assumes the ethnocultural character. A resulting configuration may include implicit argumentum ad baculum, which is typical of Russian political discourse, while appeal to empathy is common for the Korean argumentative model.

Key words: political discourse; argumentation; manipulation; argumentum ad misericordiam; the Other; argumentum ad baculum, empathy, ethnocultural values

Данная статья посвящена исследованию argumentum ad misericordiam (апелляция к жалости, сочувствию) в аргументативном дискурсе российских и южнокорейских политиков. В традиционной логике и теории аргументации argumentum ad misericordiam относятся к ошибкам аргументации, иными словами, считают нарушением правил ведения кри-

тической дискуссии. Что касается политического дискурса, использование argumentum ad misericordiam политическими деятелями является намеренным ходом, цель которого – манипуляция народными массами. В связи с этим представляет интерес изучение культурных оснований argumentum ad misericordiam в

русском и южнокорейском политическом дискурсе.

Проведенное нами ранее исследование *argumentum ad hominem*, который также считается ошибкой аргументации и также используется в политической аргументации в манипулятивных целях, показало, что, несмотря на значительные различия историко-культурного плана между Россией и Южной Кореей, аргументативное высказывание в условиях *argumentum ad hominem* становится универсальным ходом в контексте политического дискурса. Иными словами, различия в системе ценностей нивелируются и происходит сближение дискурсов. Цель настоящей статьи – рассмотреть культурные основания *argumentum ad misericordiam*, используемого в корейском и русском политическом дискурсе, и выяснить, будут ли и в данном случае доминировать типовые схемы аргументации или же верх возьмут специфичные, культурно обусловленные модели.

Данная работа является продолжением указанного выше исследования *argumentum ad hominem*, в связи с чем в качестве материала будут использованы выступления политиков, относящиеся к тому же времени и событию, а именно последним выборам президента России и Республики Корея (РК – декабрь 2007 года, РФ – март 2008). Будет проведен анализ выступлений, интервью, обращений к избирателям, предвыборных дебатов и речей кандидатов на пост президента данных стран.

Argumentum ad misericordiam, как отмечалось выше, это апелляция к жалости, в которой место аргумента занимает жалоба. Наряду с другими ошибками, где происходит замещение аргумента чем-то иным, это особый вид нарушения правил критической дискуссии. Все ошибки объединяет то, что говорящий уклоняется от принятых на себя пропозициональных обязательств (бремя доказывания), изменяя тип дискурса [Walton, 1995, с. 110].

Argumentum ad misericordiam реализуется в речевом акте, целью которого является вызвать у адресата жалость и сочувствие. Приемлемости и обоснованности самого аргумента не уделяется никакого внимания. Однако настрой оппонента на данное эмоциональное состояние – лишь шаг на пути к достижению протагонистом своей основной зада-

чи. Макроцелью апелляции к жалости является принуждение антагониста совершить определенное действие в интересах протагониста. Эту черту отмечают многие исследователи аргументации.

Так, Д. Уолтон рассматривает *argumentum ad misericordiam* как «вид практического обоснования, используемый одной стороной с целью заставить другую выполнить какое-либо действие» [Walton, 1997, с. 101].

Ф. Еемеерен и Р. Гроотендорст отмечают, что «чаще всего подобные попытки использовать чувство жалости для получения преимущества, которого до сих пор не было, предпринимаются, когда одна сторона хочет заставить другую сделать что-то» [Еемеерен, 1992, с. 102].

В исследуемом нами дискурсе кандидатов на пост президента макроцелью речевого акта *argumentum ad misericordiam* является убеждение адресата, в данном случае избирателей, проголосовать за протагониста на выборах.

Американский исследователь, специалист по неформальной логике и теории аргументации Д. Уолтон выделяет следующие виды *argumentum ad misericordiam*:

1. Аргумент от негативных последствий (*argument from negative consequences*). Суть его состоит в том, что невыполнение антагонистом определенных действий, указанных протагонистом, повлечет за собой нечто плохое для последнего. Данный тип *argumentum ad misericordiam* весьма распространен среди школьников и студентов, когда, обращаясь к преподавателю с просьбой не ставить плохую оценку, они аргументируют это тем, что в противном случае они могут понести некое наказание, будь то отчисление из университета, лишение стипендии, недовольство родителей или нечто иное.

2. Просьбы о помощи (*argument from need for help*). Этот тип *argumentum ad misericordiam* заключается в том, что одна сторона просит другую о некоторой помощи. Адресат в данной ситуации имеет возможность оказать эту помощь. Аргументация, которая представляет собой просьбу о помощи, имеет особую форму, выступая как вид практического обоснования [Walton, 1997, с. 104].

3. Аргумент от бедственного положения (*argument from distress*). Как отмечает Д. Уолтон, подавляющее большинство приме-

ров этого типа аргументации, являющего собой просьбу о благотворительном пожертвовании, следуют одной и той же формуле. В мельчайших выразительных деталях описывается определенная ситуация отдельного человека в бедственном положении, горе, нужде. Основная мысль заключается в том, что помочь преодолеть столь тяжелое положение можно, отправив деньги на счет организации, занимающейся этим вопросом [Walton, 1997, с. 107]. Ученый также обращает внимание на тот факт, что в большинстве случаев благотворительный *argumentum ad misericordiam* представляет собой описание детей, находящихся в тяжелом положении.

Отметим, что занимаясь изучением *argumentum ad misericordiam*, Д. Уолтон обращает свое внимание, прежде всего, на так называемый благотворительный аргумент к жалости (*charitable appeal to pity*), т.е. на тот случай апелляции к чувствам, когда основной целью протагониста является получение материальной помощи или денежных средств на определенные цели.

В области предвыборного политического дискурса найти примеры использования протагонистом вышеуказанных типов *argumentum ad misericordiam* представляется затруднительным по следующим причинам. Едва ли окажется убедительным для избирателя аргумент к негативным для протагониста (а в данном случае это кандидат в президенты!) последствиям. Народ волнуется, прежде всего, собственное благополучие. Иными словами, избирателя намного больше будут интересовать последствия своих действий для себя самого, нежели для проигравшего на выборах политика. Также маловероятно, что окажется рациональной и приемлемой в случае политической аргументации просьба о помощи или сборе денежных средств. В данном случае это, напротив, может вызвать обратную реакцию и даже агрессию со стороны антагониста: ведь ответственность за «бедственное положение», для преодоления которого требуется помощь, вполне можно будет возложить на протагониста как представителя политической верхушки страны.

Эти предварительные рассуждения подводят к заключению, что в политической коммуникации аргумент к жалости отсутствует ввиду его нерациональности. Однако про-

веденное нами исследование показало, что *argumentum ad misericordiam* имеет место в предвыборном политическом дискурсе и может являться важной составляющей аргументации кандидата в президенты. Необходимо отметить, что аргумент к жалости в политическом дискурсе принимает иную форму, нежели те, что были отмечены Д. Уолтоном и описаны выше.

В результате исследования предвыборного дискурса российских и южнокорейских политиков было установлено, что к жалости апеллируют и те, и другие. Однако в количественном плане аргумент к жалости в корейском политическом дискурсе (60-70 % от общего числа выступлений содержат *argumentum ad misericordiam*) существенно превосходит *argumentum ad misericordiam* в русском (примерно 10 %). Также было выявлено, что *argumentum ad misericordiam* в русском и корейском политическом дискурсе принимает разные формы и имеет разные основания.

В результате исследования *argumentum ad misericordiam* в русском и корейском политическом дискурсе было выделено два его основных типа, один из которых в большей мере типичен для русской аргументации, второй является особенностью корейского дискурса и в русской риторике практически не встречается.

Первый тип *argumentum ad misericordiam* может быть условно назван «аргумент к жалости к Другому». Суть его заключается в том, что протагонист, апеллируя к чувствам аудитории, пытается вызвать жалость не к себе и не к антагонисту, а к третьему лицу, иными словами, к Другому. Другой в данном случае является коллективным (собирательным) понятием и подразумевает под собой определенную социальную группу (наши жители, соотечественники, бедняки, пенсионеры, бюджетники). Иначе говоря, это некий собирательный образ, за которым стоят реальные люди, чьи судьбы, по мнению протагониста, должны волновать антагониста.

Обратимся к фрагменту предвыборного ролика кандидата в президенты РФ Г.А. Зюганова:

За последние 20 лет исчезло около 20 тысяч населенных пунктов, а в некоторых регионах наши жители убывают в потусторонний мир со скоростью 2-3 % в год. За этими

цифрами – судьбы соотечественников, родных, наших. На огромной территории люди не знают, зачем жить, уходят люди, и сжигается страна (Фрагмент предвыборного ролика кандидата в президенты РФ Г.А. Зюганова).

Очевидно, что судьбы близких людей вызывают гораздо более сильные переживания, нежели беды какого-то абстрактного человека. На этом основании оратор стремится приблизить Другого к антагонисту, объединить их в один круг, подчеркнуть их принадлежность к одной социальной группе (жители одной страны, члены семьи и т.п.). Руководствуясь этой целью, протагонист использует соответствующую лексику: *наши жители, соотечественники, родные, наши*. Он пытается таким образом включить адресат и Другого в единое поле переживания, что является типичной технологией речевого воздействия. Объединив субъект и Другого в едином поле переживания, протагонист ставит под угрозу самое ценное, что может быть у человека, – его жизнь: *населенные пункты исчезают, наши жители убывают в потусторонний мир, уходят (в знач. «умирают») люди*. Таким образом, включая адресата в единое поле переживания, протагонист вызывает не только сострадание, но и косвенно – страх за собственное будущее, поскольку адресат приходит к выводу, что и он может оказаться на месте Другого.

Получается, что в подобной схеме аргументации содержится не только апелляция к состраданию, но и скрытая, косвенная угроза адресату, суть которой состоит в том, что он сам может оказаться в описываемой тяжелой ситуации, если не выполнит условия протагониста, а именно, не поддержит его кандидатуру на выборах.

В данном случае *argumentum ad misericordiam* неразрывно связан с косвенным *argumentum ad baculum*, а, возможно, второй в каком-то смысле даже вытесняет собой первый.

Подобно тому, как в теории речевых актов дифференцируются прямые и косвенные речевые акты, в теории аргументации можно говорить о прямых и косвенных аргументах. И если косвенные речевые акты, не выражая явно своей иллюкутивной цели, предназначены для изменения картины мира адресата, то же самое происходит и с косвенными аргумента-

ми, которые, маскируясь под аргументы иного типа, направлены на то, чтоб вызвать определенную реакцию адресата, а именно: заставить антагониста принять тезис протагониста. Соответственно, подобно тому, как Дж. Серль выделяет первичную и буквальную иллюкутивную цель речевого акта [Серль, 1986, с. 197], можно выделить первичную и буквальную цель акта аргументации. В данном случае первичная цель, воздействовать на адресата посредством угрозы, отклоняется от буквальной – убедить адресата в своей правоте, сообщив о бедственном положении Другого и вызвав к нему жалость.

Подобная технология манипулирования прослеживается и в следующем примере. В приведенном ниже фрагменте выступления, апеллируя к жалости, политик избирает для нее очень неожиданный объект, человека, который на первый взгляд не только не достоин жалости, но и, напротив, заслуживает общественного осуждения или презрения. Так, в одном из предвыборных выступлений В.В. Жириновский объектом для жалости выбирает заключенных:

В тюрьмах сидят половина бедняки. Я посещаю тюрьмы, – за что сидишь? 500 рублей украл, 1 000, 2 000. Ну что это такое. Они же, у них же семьи есть. У женщины дети, да и мужчина тоже, он отец да и родители. Вот сидит полмиллиона в тюрьме за это, а почему украл? Голодный. Это государство виновато, разве человек сытый и довольный будет воровать? На воровство идут те, которые уже в отчаянии. Вот они сидят в тюрьмах (из выступления кандидата в президенты РФ В.В. Жириновского на встрече с избирателями в г. Красногорске).

Хотя в приведенном отрывке нет прямых номинаций, объединяющих слушающего с Другим или приближающих их друг к другу, их близость, несомненно, подразумевается. Одно упоминание о том, что у заключенных тоже есть семьи, дети, родители, приближает их к слушателю, дает понять, что они такие же, как все, включая тем самым адресата и Другого в единое поле переживания. И тот факт, что эти люди оказались в таком тяжелом, бедственном положении, что отчаяние и безысходность, а, возможно, и голодные дети заставили их пойти на преступление, заставляет слушающего переживать очень сильные

эмоции, в том числе и страх за свою собственную жизнь.

Выше уже было указано, что макроцелью *argumentum ad misericordiam* является принуждение антагониста к совершению определенного действия, в данном случае протагонист стремится убедить антагониста отдать за него свой голос на выборах. Это подтверждается следующим далее директивом, который может быть выражен как прямо: *2 марта 2008 года сделай правильный выбор. Поддержи Зюганова! (предвыборный ролик Г.А. Зюганова); Все, 2 марта за меня (В.В. Жириновский на встрече с избирателями в г. Красногорске);* так и косвенно, посредством апелляции к *argumentum ad baculum*: *Изберете слабого, трусливого, значит все, так же будет или еще хуже. Вот об этом подумайте. Если я побеждаю, то хуже не будет, хуже будет соседям, а вам не будет хуже (В.В. Жириновский, там же).*

В случае косвенного директива оратор как будто дает слушающему право выбора, лишь рисуя перспективы его последствий. Однако очевидно, что за его словами стоит пропозиция: если хотите жить лучше, голосуйте за Жириновского.

Подобные аргументативные схемы наблюдаются и в предвыборном дискурсе южнокорейского политического деятеля:

여러분, 일자리를 얻지 못해서 길거리를 헤매는 젊은이의 그 아픔을 아십니까? 여러분, 일찍이 일자리에서 쫓겨난 그 아버지의 가슴 아픔을 여러분 아십니까? 하루 장사가 안 되어서 저녁나절 쓸쓸히 돌아가는 그 재래시장 상인의 발걸음을 이해하십니까 여러분! 저는 잘 알고 있습니다. 저는 그들과 똑같은 삶을 살았기 때문에 저는 잘 알고 있습니다 <...> 저 이명박이가 대통령이 되면 세상은 달라집니다 여러분. 경제 확실히 달라집니다... (이명박, 한나라당 17대 대선후보 선출선거 합동연설회, 서울).

(Уважаемые избиратели, знаете ли Вы боль молодых юношей и девушек, которые бродят по улицам, отчаявшись найти хоть какую-то работу? Чувствуете ли Вы душевную боль наших отцов, раньше времени отправленных на пенсию? Понимаете ли Вы, уважаемые избиратели, состояние рыночных торговцев, угрюмо плетущихся домой после неудачного дня? Я знаю. Я жил той же жизнью, что и они, поэтому я знаю. Если я, Ли

Мен Бак, стану президентом, мир изменится, экономика изменится вне всяких сомнений (Выступление кандидата на пост президента от партии Великой страны Ли Мен Бака на встрече с избирателями в Сеуле).

Так же, как и в рассмотренных выше примерах, протагонист сначала вызывает у слушающих чувство жалости к оказавшимся в тяжелом положении юношам и девушкам, родителям, рыночным торговцам. В данном случае оратор выбирает три объекта для жалости и, очень вероятно, что хотя бы в одном из этих образов слушающий узнает себя или своих близких, а значит, испытает наиболее сильное чувство причастности к происходящему. Однако риторика Ли Мен Бака имеет несколько иной характер, нежели описанные выше модели аргументации российских политических деятелей. В отличие от российских ораторов, Ли Мен Бак в большей степени апеллирует к чувственному миру адресата. *Знаете ли вы, чувствуете ли вы, понимаете ли вы* – эти фразы являют собой прямую апелляцию к эмпатии. Протагонист призывает адресата проникнуть во внутренний мир Другого, поставить себя на его место, сопереживать ему. Действуя таким образом, оратор вводит слушающих в поле переживания Другого, причем в данном случае примечательно, что протагонист включает в это поле переживания и себя самого, указывая на то, что он жил той же жизнью, что и они. Подобный прием сведения в едином поле переживания себя, адресата и Другого характерен для корейского политического дискурса.

Как и в описанных выше случаях, приведя все аргументы, корейский оратор постулирует цель своего выступления. В косвенной форме (저 이명박이가 대통령이 되면 세상은 달라집니다 여러분. 경제 확실히 달라집니다 – *Если я, Ли Мен Бак, стану президентом, мир изменится, экономика изменится вне всяких сомнений*), а потом и путем прямого директива (이명박을 압도적으로 밀어주시기 바랍니다 – *Я прошу вас поддержать Ли Мен Бака*) протагонист призывает избирателя проголосовать за него на выборах.

Как уже было отмечено выше, рассматриваемый тип *argumentum ad misericordiam* часто пересекается с *argumentum ad baculum* («аргумент к палке», или угроза).

Угроза в адрес оппонента равнозначна оказанию на него давления. Обычно при этом не используют слишком много слов, а просто высказывают некое предположение о возможных, нежелательных для оппонента, последствиях [Еемерен, 1992, с. 101], которые могут состоять в том, что он сам может оказаться в подобной, а может быть, и более тяжелой ситуации. Как раз это и наблюдается в приведенных выше примерах. Так, заявление В.В. Жириновского о том, что в случае выбора другого кандидата, *все будет так же или еще хуже*, или далее: *Некоторые так все, – а, выборы, а, не пойду голосовать. Ну не ходи, потом тебя в тюрьму посадят, в больнице будешь лежать, дом твой сгорит. Все, 2 марта за меня. Не хотите, я приеду, вас все будет меньше и меньше стоять. И вы сами себя будете убивать, сами себя будете хоронить*. Это есть не что иное, как угроза нежелательными и даже опасными для оппонента последствиями. Справедливо в данной связи замечание Ф. Еемерена о том, что полезно обращать внимание на фразы, с помощью которых говорящий настойчиво пытается убедить слушающего, что на него не оказывается никакого давления [Еемерен, 1992, с. 101]. Продолжая свое выступление, В.В. Жириновский неоднократно подчеркивает якобы данное избирателю право самостоятельно принять решение: *Ну вот что я могу сделать, все же добровольно, демократия, свобода. Я вас не могу силой гнать и заставлять голосовать за меня. Моя задача вам объяснить..* Но совершенно очевидно, что все его объяснения представляют собой именно угрозу нежелательными последствиями для слушающего.

Argumentum ad baculum в случае совместного употребления с argumentum ad misericordiam не всегда оказывается эксплицитным, но имплицитно присутствует практически всегда, так как подразумевается, что в случае бездействия или неверных действий оппонента ситуация не изменится, а, возможно, даже усугубится. Так, например, в своем выступлении Ли Мен Бак открыто ничем никому не угрожает, он лишь рисует радужные перспективы экономического развития страны в случае избрания его президентом, однако, это неизбежно подразумевает, что, если его не поддержат на выборах, это развитие вряд ли произойдет.

Таким образом, первый тип argumentum ad misericordiam представляет собой аргумент к жалости к Другому, который является собирательным понятием и подразумевает под собой определенную часть социума. Апеллируя к жалости, носители обеих культур стремятся включить адресата и Другого в единое поле переживания, при этом для корейского политика характерно включение в это поле и себя самого. В условиях argumentum ad misericordiam в корейском ПД протагонист в большей степени апеллирует к эмпатии, в то время как российские ораторы пытаются вызвать жалость и сострадание, за которыми зачастую скрывается косвенная угроза.

Второй тип argumentum ad misericordiam, выделенный нами, можно условно обозначить как «апелляция к эмпатии». Этот тип аргумента к жалости является очень распространенным в южнокорейском предвыборном дискурсе, в то время как в русском практически не встречается. Его суть заключается в том, что протагонист пытается вызвать чувство жалости к своей личности, взывает к сочувствию, описывая какие-либо печальные события из собственной жизни. Это могут быть подробные описания несчастливого детства, тяжелой юности или нелегких трудовых буден. Освещаются как душевные, так и физические страдания протагониста или его семьи: *고생* (невзгоды, лишения, трудная жизнь), *고통* (боль, мука, страдание), *고민* (мука, страдание, переживание), *고난* (трудности, лишения), *어려움* (трудности, сложности, тяжелая ситуация), *상처* (раны, душевные и физические); это далеко не полный перечень лексических единиц, являющихся неизменными атрибутами подобных высказываний. Судя по признаниям корейских политиков, они *терпят невыносимые страдания* (참을 수 없는 고통을 받다), *живут в мире бесконечных страданий, заговоров и интриг, мире сложностей* (수많은 고통과 음모와 공작속에서, 어려움 속에서), *жертвуют собой ради своей страны* (대한민국을 위해서 온 몸을 바쳐서 일하다) (Ли Мен Бак), их *мучают многочисленные душевные раны* (상처 많이 받다), они *много страдают* (많이 고민하다) (Чон Дон Ён).

Достаточно часто предметом описания становятся воспоминания о событиях из прошлого, которые протагонисту пришлось пережить. Так, кандидат в президенты РК Вон Хи

Рён начинает свое выступление с подробного описания жизненных трудностей, которые выпали на его долю в молодости:

사랑하는 동지 여러분! 저는 작은 섬 제주의 가난한 농부의 아들로 자랐습니다. 그 힘든 가난을 벗어나는 길은 오직 공부라 믿었습니다. 그래서 열심히 공부해서 전국 수석을 했습니다. 빨리 성공해서 고생하는 부모님 편히 모시고 싶었습니다. 하지만, 80년대 암울했던 현실이 제 삶을 바꾸었습니다. 시위를 하다 정학을 받고, 야학을 하다 구급이 되고, 공장의 말단 생산직 노동자가 되었습니다. 부모님의 가슴에 대못을 박았지만, 그렇게 하는 것이 옳은 일이라 믿었습니다. (한나라당 17대 대선후보 선출선거 합동연설회, 서울, 원희룡 후보).

(Дорогие (досл. любимые) товарищи! Я вырос в семье бедного крестьянина на маленьком острове Чечжудо. Я верил, что только образование поможет мне выбраться из этой беспросветной нищеты. Поэтому я усердно учился и даже занял 1-е место в стране по единому государственному экзамену. Я хотел преуспеть в жизни и позаботиться о своих несчастных (досл. страдающих) родителях. Но в 1980-е годы суровая действительность изменила всю мою жизнь. За участие в демонстрации я был временно отстранен от учебы, я стал посещать вечерние занятия, но вскоре попал в тюрьму. Я стал чернорабочим на заводе. Я глубоко ранил души своих родителей (досл. забил большой гвоздь им в сердце), но я верил, что все делаю правильно). (Выступление кандидата на пост президента от партии Великой страны Вон Хи Рена на встрече с избирателями в Сеуле).

Бедность, сложности с обучением, тюремное заключение, тяжелая работа – все это, несомненно, стало тяжелым испытанием для политика. Причем, протагонист описывает не только свои собственные страдания, но и ту тяжелую ситуацию, в которой оказались его родители (*несчастные, страдающие родители, ранил души родителей*). А благополучие родителей в восточной культуре имеет для человека очень большое значение, и их страдание порой может переживаться тяжелее, чем свое собственное. Вероятно, поэтому данный пример апелляции к чувству жалости к родителям не является единичным и подобные употребления *argumentum ad misericordiam* встречаются и в выступлениях других поли-

тиков. Так, вспоминая о покойной матери, другой кандидат в президенты, Чон Дон Ён, пытается вызвать у слушателя жалость и сочувствие:

가장 존경하는 여성은 어머니다. 재작년에 돌아가셨는데 살아 생전 어머니와는 연인처럼 다정하고 각별했다. 이 땅의 모든 어머니들과 마찬가지로 나의 어머니도 고난과 역경의 삶을 사셨다. 고등학교 2학년 때 아버지가 돌아가신 후 36년간 가장으로서 4형제의 생계와 학업을 책임지신 존경받아 마땅한 분이시다. (정동영 대선후보 릴레이 인터뷰).

(Самая уважаемая мной женщина – моя мать. Она умерла в позапрошлом году, но, при жизни у нас с ней были очень теплые отношения. Как и все матери на земле, моя мама прожила жизнь, полную лишений и трудностей. Когда я учился в старших классах, умер мой отец. И с тех пор на протяжении 36-ти лет мама являлась главой нашей семьи, заботилась о 4-х сыновьях, обеспечивая нам достойную жизнь и образование). (Интервью с кандидатом в президенты Вон Хи Реном).

Возможно, упоминая о покойных родителях, Чон Дон Ён пытается вызвать сочувствие и к себе самому. Ведь потеря отца в раннем возрасте означает, что его семье пришлось преодолеть массу трудностей, связанных, прежде всего, с недостатком средств к существованию. А теперь из жизни ушла и мать, которая была поддержкой для всей семьи на протяжении многих лет.

Страданию вообще отводится особое место в корейской культуре. Страдающий, жертвующий собой человек всегда считался достойным почтения, уважения и даже восхищения. Счастливый, довольный собой и своей жизнью вряд ли вызовет у корейцев такие же положительные эмоции, как человек страдающий. «В Корее розовый самоуверенный тип процветать не будет никогда. Дело в том, что американскому «о'кею» противостоит в Корее намного более убедительное местное понятие «косен» [Габрусенко, 2003, с. 131].

Т.В. Габрусенко намеренно не переводит корейское слово «고생» на русский язык, так как ни один из предлагаемых словарем русских эквивалентов не исчерпывает собой все то, что стоит за этим многогранным понятием. Корейско-русский словарь дает лишь три значения данного слова: «невзгоды», «лишения», «трудная жизнь», однако реальный

смысл, стоящий за этим словом, для представителя корейского общества намного шире и объемнее.

«Косен» – это то, без чего жить в Корее просто неприлично. «Косен» здесь не только не скрывают, как следовало бы по американской теории по *problem*, но, наоборот, открыто демонстрируют» [Габрусенко, 2003, с. 132].

Небольшая цитата из опубликованного в корейском блоге рассуждения о корейском страдании под названием «고생 체험의 힘» (Сила опыта «косен») может дать некоторое представление о том, что скрывается под этим понятием для обычного корейца. «У каждого есть хотя бы один опыт «косен», он может быть связан с университетской жизнью, обучением за границей, началом взрослой самостоятельной жизни, службой в армии, рождением или воспитанием детей» (대학 생활, 유학 생활, 사회 초년병 시절, 군대 체험, 출산과 육아 등등 사람들은 뭔가 하나쯤은 고생 체험을 갖고 있다 (예병일)). Таким образом, получается, что в Корее нет ни одного человека, не испытавшего на себе «косен» в той или иной степени. Возможно, поэтому переживание подобного страдания другим находит в сердцах корейцев такой живой отклик.

Неслучайно темой страдания пронизана и корейская литература. «Герои романов и повестей не знают, что такое смех, веселье, наслаждение. Они плачут, голодают, умирают от страшных болезней и уродств и страдают, страдают... Страдают от любви, мучаются от старости. Их в детстве бросают матери, они теряют близких на войне. Жизнь все бьет и бьет их ключом по голове. А если не бьет, так тихо давит. У этих страданий нет конца и нет причины. «Как все плохо!» – вот единственная идея, которую можно вынести из многочисленных томов, написанных Ли Мунрелем, О Чонхи и многими другими. И ни единого луча надежды. <...> Корейская творческая интеллигенция воспитана в убеждении, что лишь печаль и страдание достойны художественного изображения. Ибо это чувства изысканные, на которые способны лишь высокоорганизованные, утонченные личности, а здоровыми и веселыми могут быть лишь грубые неотесанные мужланы» [Габрусенко, 2000].

Очевидно, в этом кроется одна из причин столь трепетного отношения к страданию в корейском обществе. Возможно также,

что здесь прослеживается влияние одной из основных религий Кореи, буддизма, где жизнь человека рассматривается как страдание. Среди других причин Т.В. Габрусенко выделяет уравнительное сознание и скромность корейского народа. И успешно действующее в Корее уравнительное сознание, и уважаемая на Дальнем Востоке скромность – все это тесно связано с понятием «косен». Это важнейшая часть имиджа преуспевающего корейца. «Косен» управляет здешним обществом властно и надежно, давая людям ощущение единства, равенства и братства. <...> Пусть все видят его «косен», пусть все знают, что «он – как вы и я, совсем такой же». И это не какая-то хитроумная тактика – это у корейцев развито на подсознательном уровне. «Косен» в Корее – это прочный стержень, который скрепляет общество и держит его в равновесии. Он сближает далеких и примиряет враждующих» [Габрусенко, 2003, с. 132].

Видимо, по этой причине протагонист переносит этот прием, изначально являющийся характерной чертой персонального дискурса, в плоскость политической коммуникации. Апеллируя к эмпатии, корейский политик не случайно объединяет себя и адресата в едином поле переживания. Кандидат в президенты понимает, что, то, что происходит в его личном пространстве, является ценным и значимым для всех корейцев, поэтому включение адресата в это пространство с большей вероятностью обеспечит протагонисту его (адресата) поддержку. Таким, образом, в контексте политического дискурса данный прием обретает истинно манипулятивный характер.

«Я такой же, как вы! Я страдаю так же, как вы, а значит, понимаю вас и знаю ваши трудности, и вы, в свою очередь, должны понять и поддержать меня» – вот основная мысль корейского политического дискурса, содержащего *argumentum ad misericordiam*. И достаточно часто это мысль эксплицитно выражается в дискурсе корейского политика:

저는 여러분 고통과 상처를 잘 알고 있습니다 – *досл. Я хорошо знаю ваши раны и боль (Выступление Чон Дон Ён на канале МВС);*

저는 서민의 애달픈 심정을 누구보다도 잘 알고 있습니다 <...> 저는 그들과 같은 삶을 살았기 때문에 저는 잘 알고 있습니다. – *Я лучше всех знаю, как горько на душе у простого народа. Я жил той же жизнью, что и они,*

поэтому я хорошо их понимаю (Выступление кандидата на пост президента от партии Великой страны Ли Мен Бака на встрече с избирателями в Сеуле).

Довольно часто данный тип *argumentum ad misericordiam* в корейском политическом дискурсе сопровождается выражением благодарности антагонисту за поддержку в описываемой тяжелой ситуации. Вероятно, в основе данного приема стоит все та же цель – показать свое единство с народом и даже зависимость от него:

저는 여러분에게 감사하는 마음을 잊을 수가 없습니다. 이 수많은 고통과 음모와 공작 속에서도 지지율이 늘 1등을 유지할 수 있었던 것은 바로 여러분이 지켜주셨기 때문입니다! 제가 어찌 혼자서 막을 수가 있었겠습니까? 여러분이 함께 지켜주셨습니다! – *Я никогда не забуду, насколько благодарен вам. Только благодаря вашей поддержке в мире страданий, заговоров и интриг я смог удержаться на 1-м месте по популярности. Разве смог бы я один с этим справиться? Вы хранили меня (Ли Мен Бак, там же).*

저 원희룡, 이 어려울 때 도와주신 여러분들의 그 몸짓 하나, 눈빛 하나까지 모두 가슴에 담았습니다. 여러분 정말로 고맙습니다! 정치를 떠나는 그날까지 끝까지 기억하겠습니다! – *В трудные времена Вы помогли мне и я, Вон Хи Рён, сохраняю в своей душе все это до единого вашего взгляда, до единого вашего жеста. Я очень Вам благодарен! Я буду помнить это до конца, до тех пор, пока не уйду из политики (Выступление кандидата на пост президента от партии Великой страны Вон Хи Рена на встрече с избирателями в Сеуле).*

Как отмечалось выше, апелляция к эмпатии очень распространена в корейской предвыборной аргументации и порой может занимать до 20 % всего текста выступления. Что касается российского предвыборного дискурса, то в агитационных выступлениях российских политиков данного типа *argumentum ad misericordiam* отмечено не было. Это дает основания полагать, что в русской политической коммуникации аргумент к жалости данного типа не считается релевантным и политики избегают им пользоваться.

Вероятно, это объясняется тем, что в русской политической культуре жаловаться на свою судьбу и посвящать окружающих в свои проблемы не принято. Очевидно, эта тради-

ция берет начало в американской и европейской культуре, где провозглашается образ позитивного, уверенного в себе, успешного человека, не имеющего проблем.

С другой стороны, отсутствие апелляции к эмпатии в российском политическом дискурсе может иметь и иные основания. Причиной тому может быть и присущий русскому человеку принцип коллективизма. «У русского народа в его национальном характере выработались и закрепились основополагающие черты – общинность, коллективизм, взаимовыручка» [Сапрыкин, 2004]. В советское время названные общественные ценности приобрели особое значение, коллективизм всячески пропагандировался и поощрялся. Принцип его заключался в том, что коллектив нес ответственность за каждого своего члена и, если у какого-то члена общества случалась беда, вместо жалости и сострадания оказывали реальную помощь и поддержку. В таких идеологических условиях формирование подобной корейской традиции *argumentum ad misericordiam* произойти не могло.

Так или иначе, необходимо констатировать тот факт, что аргумент к жалости как таковой в российском политическом дискурсе практически не фигурирует.

Однако тот факт, что жалость и сострадание практически не представлены в политическом дискурсе, не говорит о том, что апелляция к этим чувствам не свойственна русскому человеку вообще. В персональном дискурсе, например, *argumentum ad misericordiam* представлен достаточно широко. Поговорить «по душам», «излить душу», «поплакать в жилетку» – явления весьма распространенные в повседневной жизни русского человека, и цель в данном случае состоит как раз в том, чтобы адресат пожалел протагониста. В этом заключается еще одно существенное отличие аргументации к жалости в корейской и русской культуре. Если кореец, апеллируя к жалости, объединяет себя и адресата в едином поле переживания и заявляет, тем самым, о их равенстве, солидарности, близости, то для русского важно, чтобы ближний пожалел, в этом интенциональность русской души.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. *Argumentum ad misericordiam* присутствует в аргументативном предвыборном дискурсе как русских, так

и корейских политиков, однако по частоте апелляции к жалости корейский дискурс в несколько раз превосходит русский. Из двух выделенных типов *argumentum ad misericordiam*, первый, аргумент к жалости к Другому, наиболее типичен для русского политического дискурса, второй, апелляция к эмпатии, является характерной особенностью корейского. Исследование культурных оснований аргумента к жалости показало, что аргументация в условиях *argumentum ad misericordiam* принимает выраженный этнокультурный характер.

Таким образом, в отличие от относящегося к сфере рационального *argumentum ad hominem*, в условиях которого, несмотря на культурные различия, аргументация принимает универсальный характер, в случае с *argumentum ad misericordiam*, когда затрагивается эмоциональная сфера, верх берет национально-культурная традиция.

Библиографический список

1. Габрусенко, Т.В. Корейская литература и российский читатель [Электронный ресурс] / Т.В. Габрусенко // Русский журнал. – 28.11.2000. – http://www.asia-times.ru/countries/koreas/korean_literature.htm
2. Габрусенко, Т.В. Эти непонятные корейцы [Текст] / Т.В. Габрусенко. – М.: Муравей, 2003.
3. Еемеерен, Ф. Х. Аргументация, коммуникация и ошибки [Текст] / Ф.Х. Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Васильевский остров, 1992.
4. Сапрыкин, В.А. Русская культура: понятие, генезис, самобытность, амбивалентность [Электронный ресурс] / В.А. Сапрыкин. – 2004. – <http://avt.miem.edu.ru/>
5. Серль, Дж.Р. Косвенные речевые акты [Текст] / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 195-223.
6. Walton, Douglas N. Appeal to pity – Argumentum ad misericordiam [Text] / D. Walton. – N.Y.: State University of New York Press, 1997.
7. Walton, Douglas N. Commitment in dialogue: basic concepts of interpersonal reasoning [Text] / D. Walton and E. W. Krabbe. – N.Y.: State University of New York Press, 1995.
8. Walton, Douglas N. The place of emotion in argument [Text] / D. Walton. – The Pennsylvania State University, 1992.
9. 예병일. 고생 체험의 힘 [Электронный ресурс]. – 19.04.2008. – <http://kr.blog.yahoo.com/tdt119/7411>

Список источников примеров

1. Предвыборный агитационный видеоролик кандидата в президенты РФ Г.А. Зюганова [Электронный ресурс]. – http://politvideo.com/ru/Politicheskivideo/vybory/Zjuganov-2008-2-http/www_zyuganov2008_narod_ru/index.php
2. Журиновский, В.В. Выступление на встрече с избирателями в г. Красногорске [Электронный ресурс]. – 09.02.2007. – <http://www.ldpr.ru/leader/325/2005>
3. 이명박. 한나라당 17대 대선후보 선출선거 합동연설회 [Электронный ресурс]. – 17.08.2007. http://www.hannara.or.kr/hannara/2007GS/nomination_tv/speech.jsp?imgNum=155&local=13
4. 원희룡. 한나라당 17대 대선후보 선출선거 합동연설회 [Электронный ресурс]. – 17.08.2007. – http://www.hannara.or.kr/hannara/2007GS/nomination_tv/speech.jsp?local=13&imgNum=156
5. 정동영. 대선후보 릴레이 인터뷰 [Электронный ресурс]. – 23.11.2007. – http://www.womennews.co.kr/news/view.asp?num=35065&page=1&ca_id=0400&wno=
6. 정동영. 대통합신당 정동영 후보, MBC 방송 연설회 전문 [Электронный ресурс]. – 17.12.2007. – <http://www.nanumnews.com/newnews/print.php?uid=1330>

УДК 81'22

ББК 81.2

Е.Ю. Распопина

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРНЕТ: ОСНОВНЫЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

В статье выделяются общие признаки дискурсивного Интернет-пространства. Доказывается, что в дискурсивном пространстве Интернет, в частности, в рамках компьютерного Интернет-дискурса, речевое поведение пользователя определяется двумя дифференциальными признаками: опосредованностью контактов электронным сигналом и виртуальной природой этих контактов. Эти общежанровые особенности делают возможным осуществлять не только межличностное речевое взаимодействие, но и речевое взаимодействие с информационной средой.